

Т. Г. Недзелюк

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Новосибирск, Россия)

А. Кучиньский

Вроцлавский университет (Вроцлав, Польша)

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТУВИНОВЕДЕНИЯ

Принята к публикации 12.11.2020

Духовная культура тувинцев представляет собой самобытное, яркое, неизменно привлекающее к себе внимание явление.

Магистральными направлениями в религиоведческом дискурсе тувиноведения в равной мере являются как изучение традиционных духовных практик с помощью методов и приемов этнографии, так и теоретическое осмысление тувинской мифологии с позиции философов и антропологов; как «полевые» зарисовки фольклористов, так и методологические штудии о роли тэнгрианства в качестве открытого мировоззрения народов Внутренней Азии; как дискуссии о роли буддизма в становлении тувинской государственности, так и споры о месте шаманизма (неошаманизма) в концепции региональной идентичности.

В данное время изучение духовной культуры тувинцев находится пока на фазе генерирования научных знаний, широкие обобщения еще впереди, они будут сделаны на добротном компаративном фундаменте, формируемом современными исследователями.

Аналитический обзор религиоведческого дискурса Тувы позволяет заключить, что он лишен полемической окраски. Толерантность тувинцев и синкретичность тэнгрианства, шаманизма, буддизма в едином концепте могут стать визитной карточкой региона. Религиоведческая тематика в исследовательском пространстве тувиноведения имеет широкие перспективы развития и может способствовать формированию концепции региональной идентичности Тувы.

Ключевые слова: Тува, религиоведение, тэнгрианство, шаманизм, буддизм, толерантность, духовная культура, региональная идентичность, тувиноведение

DOI: 10.32324/2412-8945-2020-4-92-98

Религиоведческая тематика в исследовательском пространстве тувиноведения, на первый взгляд, — одна из самых популярных и изученных. Непосредственно вопросам религии в Туве посвящены диссертационные исследования Дмитрия Юрьевича Андреева, Аясланы Анай-ооловны Кара-сал, Ксении Викторовны Пименовой [2; 7; 27]. Включенность религиозного компонента в состав этнической культуры подвергнута анализу в диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии Саиды Кууларовны Попей-оол [29]. Социокультурные детерминанты исторической динамики духовной культуры тувинцев выявлены в диссертации доктора культурологии Айланы Калиновны Кужугет [9], а этнокультурным процессам и современной идентичности тувинцев России, Монголии и Китая посвящена диссертация доктора исторических наук Марины Васильевны Монгуш [22].

Несмотря на, казалось бы, достаточную изученность темы, религиоведческая тематика до сих пор остается актуальной и имеет непреходящий интерес в профессиональном исследовательском сообществе. Актуальным характером обладают публикации «Шаманы Тувы: танцующие с духами» И. В. Октябрьской и А. В. Шаповалова [25], «Традиционные и нетрадиционные конфессии в Туве: история и современность» М. В. Монгуш [21]. Проблеме формирования духовно развитой личности в Туве на основе этнопедагогических традиций буддизма посвящено исследование О. Д. Тапышпан, Н. В. Абаева, Г. С. Мендияровой [33].

Особенности социально-религиозной ситуации в тувинском обществе становились предметом публикаций в научно-периодических изданиях: «Мир Евразии», «Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность», «Наука из первых рук», «Знание. Понимание. Умение», «Философия и общество», в «Вестниках» Бурятского и Тувинского государственных универси-

тетов. Ежеквартальное издание «Новые исследования Тувы» («НИТ») представляет собой репрезентативное научное поле для специалистов. Дискуссионная площадка «НИТ» толерантна и синкретична: здесь прозвучали взаимоисключающие на первый взгляд концепции «мировоззренческого распутия» исконного для Тувы тэнгрианства, традиционного тувинского шаманизма, официального буддизма в традиции Махаяны.

Ценность именно этой дискуссионной площадки велика: открытость медиапространства, профессиональный круг заинтересованных участников, высокий научный уровень и широкая читательская аудитория обеспечивают ей высокий рейтинг. В открытом доступе находятся все периодические номера журнала. Кроме того, издательский проект «Новые исследования Тувы» включает электронную базу диссертаций, монографий, научно-исследовательских статей, объединенных в разделе «Библиотека».

Первый номер журнала вышел в свет в 2009 г. Примечательно, что уже в первом номере были затронуты вопросы религии. Людмила Монгушевна Салчак поведала об организации выездной экспозиции Национального музея Республики Тыва (автор выставки — доктор исторических наук, автор фундаментальных работ о тувинском шаманстве М. Б. Кенин-Лопсан) «Шаманизм тюркоязычных народов Центральной Азии» в 1997—1999 гг. в Бельгии (г. Антверпен), в Австрии (г. Вена), в Германии (г. Бремен). Автор отмечает, что успех выставки был необычен [30, с. 346—350].

Центральное место в третьем номере журнала посвящено заседанию философского клуба от 30 мая 2009 г. с размышлениями над проблемой о религиозных основаниях тувинской культуры [11, с. 132—137]. Тезис, озвученный доктором философских наук К. А. Бичелдеем, проливает свет на современную социокультурную ситуацию в республике. «У нас сейчас мировоззренческое распутие, — определил К. А. Бичелдей. — Относительно недавно, только в конце прошлого века, тувинцы стали называть себя буддистами. Но мышление, поведение-то осталось добуддийским, тэнгрианским. А что сегодня? Тэнгрианство, казалось, ушло в историю, но оно присутствует до сих пор в нашей жизни, в мышлении, в поведении. Оно живо, только под другими названиями» [11, с. 135]. Ему противоречит доктор исторических наук Н. В. Абаев, утверждающий, что произошла «европоцентристская идеологическая диверсия», когда все формы религии, встречавшиеся «у аборигенных народов восточнее Урала, назывались шаманизмом. И чукчи, и тунгусы, и тувинцы, и буряты, и другие — все считались шаманистами», в то время как «у тюрков и монголов шаманства не было, оно им было навязано» [11, с. 136].

Контрверсия постулату Н. В. Абаева высказана Н. Л. Жуковской и Л. С. Мижит. В то время как Н. Л. Жуковская подразделяет монгольскую (включая тувинскую) мифологию на дошаман-

скую, шаманскую и постшаманскую, Л. С. Мижит видит обыденный, шаманский и буддийский уровни в тувинской мифологии [16, с. 173—188]. Людмила Салчаковна Мижит поясняет свою мысль: «Это объясняется тем, что в тувинской культуре шаманизм и буддизм синкретично существуют» [16, с. 185].

Тэнгрианству на электронных страницах журнала уделяется пристальное внимание. Владимир Романович Фельдман отмечает важность методологических проблем изучения тэнгрианства «как открытого мировоззрения народов Внутренней Азии, заложившего основы национально-государственной религии и экологической культуры древних тюрков, а затем и монголов» [34, с. 259] и выделяет его идеологическую составляющую: «Тэнгрианство обеспечивало поддержку высшей государственной власти, воздействуя на сознание, на экзистенциальные и аксиологические компоненты его содержания, формулировало убеждения в ценности и жизненно важной значимости власти каганов» [34, с. 260]. В совместной публикации Н. В. Абаева и В. Р. Фельдмана прозвучала интегрирующая идея: «Политеизм тюрко-монгольских народов включал в себя в качестве „общего“ культы Неба и Матери-Земли, священных гор, деревьев, местностей, источников, представление о трех мирах, различающихся содержательно и функционально... Важной религиозно-мифологической составляющей социального пространства традиционного общества кочевников Центральной Азии был образ „мирового дерева“. Как и „мировая гора“, „мировое дерево“ выступало в качестве посредника (медиатора) между Небом и Землей» [1, с. 226—242].

Шаманизму в журнале «Новые исследования Тувы» посвящено несколько публикаций. Так, Г. С. Султангалиева выделяет семь отличий между шаманом и неошаманом, из которых первым по значимости является следующее: «Если в традиционной культуре шаманизм был доступен только тем, кого явно и очевидно выбирали духи, или же этот дар передавался по наследству, то в современных условиях он стал доступен практически любому, кто искренен и принимает базовые положения шаманизма» [32, с. 23]. Марина Васильевна Монгуш провела сравнительную характеристику шаманизма в Туве и на Окинаве и пришла к выводу о причинах его жизнестойкости: «Безусловно, с течением времени в рамках модернизации и технического прогресса современного общества традиции шаманства претерпели изменения как в Туве, так и на Окинаве. Но и сегодня люди различных профессий, образования, социального статуса по-прежнему обращаются к шаманам по тем или иным причинам. И каждый получает в ответ, кто облегчение или утешение, кто совет или поддержку» [23, с. 65]. Как сочетаются в мировоззрении тувинца шаманизм и буддизм? Марина Васильевна поясняет: «Официальной религией тувинцев является буддизм традиции Махаяны, традиционным верованием — шаманизм» [23, с. 66]. Ситуация, достой-

ная полевых исследований и глубокого теоретического осмысления.

Буддистская тематика представлена достаточно широко и в «Новых исследованиях Тувы». Маадыр-оол Баргыштаанович Ховалыг делится личным опытом в публикации «Три дня вместе с тибетцами» [37, с. 167—196], Марина Васильевна Монгуш погружает читателей в интригующий мир распознавания реинкарнаций «перерожденцев» [20, с. 112—127], причины появления института Камбы-ламы в Кызыле детерминирует Иванна Васильевна Отрошенко [26, с. 24—44]. Блестящее источниковедческое эссе Зои Матпылылаевны Монгуш «Библиотека тибетских трудов и архивов» увидело свет на страницах одного из первых номеров журнала [19, с. 110—117]. Внимательный взгляд исследовательницы охватил как содержательный компонент тибетского архива в Индии, так и внешние атрибуты (расположение коллекций, количество сотрудников в читальном зале), что в дальнейшем призвано помочь начинающим исследователям и послужить «навигатором» в поисках конкретных документов. С точки зрения З. М. Монгуш, «в разные периоды истории нашей страны российским буддистам приходилось испытывать немало страданий, но, несмотря на лишения и трудности, они трепетно хранили в своих сердцах учение Будды, сумели в чистом виде донести его до наших дней и частично передать потомкам» [19, с. 116]. Таким образом, Зоя Матпылылаевна поддерживает версию об исходной традиционности буддизма для жителей Тувы, заключая мысль тезисом: «В нашей стране буддизм традиционно исповедуют жители Бурятии, Калмыкии и Тувы» [19, с. 117]. На исконности буддизма настаивает и Мая Салчакровна Маадыр: «Еще с XIII в. личные переписки и государственное делопроизводство велись на старописьменном монгольском языке <...> Тувинцы пользовались также и тибетской письменностью, что было обусловлено введением буддизма как официальной религии» [15, с. 135].

Теоретические религиозоведческие «выкладки» принадлежат перу Н. Г. Аюпова. Он пишет: «... Хотелось бы заметить, что в рассматриваемом синкретическом комплексе следовало бы более четко разграничить, где происходит водораздел между собственно тэнгрианской традицией и народной религией тюрков и монголов, архаическими „шаманскими“ верованиями и культурами, а также более поздним тэнгрианско-буддийским синкретом, в котором, на мой взгляд, первобытный „шаманизм“ просто не мог играть сколь-нибудь значительной роли. Возникающие в связи с этим вопросы могли бы быть сняты более четкой дефиницией понятий „тэнгрианство“, „тэнгризм“ и „тэнгрианско-буддийская цивилизация“, в результате чего „шаманство“ может оказаться вне цивилизационного мэйнстрима» [3, с. 152].

Примечателен интерес молодежи к религиозоведческим проблемам. В рубрике «Проба пера» знакомимся с Айраной Борисовной Чаажытмаа. Любопытен вывод молодой исследовательницы

о социальных практиках тувинцев: «Объединяются не только религии в понимании людей, но и представители самих религий в деятельности, в различных социальных мероприятиях. Среди таких синкретичных дел, имеющих значение и для буддизма, и для шаманизма, можно назвать строительство самой большой статуи Будды на вершине горы „Догээ“ близ Кызыла» [38, с. 129—132].

Безусловно, годы атеистической пропаганды оставили свой отпечаток на социально-религиозных практиках, поспособствовав отождествлению в мировоззрении засаянских тувинцев атрибутов шаманского и буддистского ритуалов. Как отмечается в исследовании А. Б. Чаажытмаа, «многие тувинцы ассоциируют свою религию с буддизмом, утверждая, что они являются последователями буддизма — буддистами. Но при этом они не понимают сущность религии. Им достаточно того, что они ходят в хурээ, молятся... При вопросе, обращаются ли они к шаманам, отвечают утвердительно... Тувинцы все еще поклоняются духам природы» [38, с. 131].

Более глубоко исследовал проблему политизма на примере анализа похоронно-поминального комплекса тувинцев В. А. Кисель. Он указывает: «Сохранился и в настоящее время широко распространен старинный обычай держать в доме покойного зажженный светильник. Его роль играет буддистская лампада — бронзовая или латунная чашка на высокой ножке, в которую налито масло и плавают хлопковый фитиль... Тувинцы называли ее „чула“. Нельзя исключить, что этот обычай относится еще к добуддистским верованиям... К тому же наименование светильника сходно с названием одной из человеческих „душ“ у соседей тувинцев (челканцев, кумандинцев, шорцев, телеутов, хакасов)... Это может указывать на шаманские корни обряда» [8, с. 256—258].

Религиоведческий дискурс присутствует буквально в каждом номере журнала «Новые исследования Тувы». Как оказалось, совершенно необязательно выделение специальной тематической рубрики. Так, благодаря тезаурусному подходу, читатель получает возможность сопоставить значение религиозных ценностей в тувинской и казахской картинах мира и убедиться, что тезаурусная концепция жителей Казахстана выделяет религиозную доминанту в качестве системообразующего концепта, имеющего, в том числе, и политическую окраску (цвет государственного флага — символ тэнгрианства). В картине мира тувинского этноса «тезаурусный подход позволяет выстраивать, исследовать мир тувинской культуры глазами людей, которые в ней родились, выросли, живут... как они понимают эту культуру, как они чувствуют себя в ней, как они со своим мироощущением, сформированным в данной культуре, относятся ко всему, что их окружает» [12, с. 45]. Ч. К. Ламажаа, проводя каталогизацию концептов тувинской культуры, отмечает, что важнейшими являются «мама», «любовь», «родная земля», «скот», «Солнце», «день», «Шагаа» и др. Замечаем, что концептов «вера»,

«шаман», «буддизм» и схожих с ними в перечне нет [12, с. 25—46].

Культ Тэнгри в повседневной жизни тувинцев не играет такой же важной роли, как шаманизм и буддизм; хотя в соседних регионах ситуация складывается иначе. Рассказывая о тэнгрианстве в Казахстане, Е. У. Байданов отмечает: «Понятие Тэнгри в общетюркской мифологии и особенно „осколки“ первоначальных представлений о Тэнгри включали сначала элементы поклонения духам предков, анимизма и политеизма. Впоследствии Тэнгри стало отождествляться с образом верховного божества, а под влиянием ислама оно превратилось в синоним Аллаха. Однако идеи ислама не прививались в чистом виде у кочевников. Они привнесли в ислам культ своих предков и святых, что отчетливо прослеживается в этническом наследии казахов» [4, с. 132].

Озабоченность в связи с возможной исламизацией населения через заключение браков с мусульманами — переселенцами из Киргизии высказывает Ч. К. Иргит: «Современная тенденция — большой приток киргизов, а вместе с ними привнесение в Туву традиций мусульманского мира... Но насколько будет сильным влияние киргизов на тувинцев или наоборот, — заключает автор, — должны выявить будущие научные изыскания» [6, с. 87].

В. А. Кисель отмечает значительную религиозную толерантность тувинцев, проявляющуюся в том, что «на прощание с покойным или для общения с его душой часто приглашают поочередно шамана и ламу», а оформление гроба производится тканью либо с орнаментальной полосой из национального меандрового узора, либо (чаще на юге и юго-западе, реже в Кызыле) «выбор делается на основании буддистских представлений о наличии у каждого человека „родимых пятен“ соответствующих цветов, связанных с годом рождения по лунному календарю» [8, с. 262].

Репрезентации Тувы как региона, потенциально привлекательного для туристов, посвящено немало публикаций. Вопрос дискуссионный и очень непростой. Сторонники консервации региональных традиций опасаются их трансформации либо даже разрушения вследствие массового наплыва туристов, проводя параллель с Алтаем. Сторонники «открытия» региона делают акцент на его «изюминке», привлекательности, в том числе благодаря оригинальному религиозному компоненту. Андрей Александрович Монгуш отмечает, что «мифологическое и религиозное мировоззрение тувинцев основано на представлении о живой природе всего сущего, что непосредственным образом отражалось на их быте, в частности в древних молитвах, обычаях, ритуальных шествиях... Осмысленное понимание местности „Шамбалы“ и других подобных местностей Тувы как священных, сакральных будет способствовать духовному совершенствованию как залогоу нашего процветания» [18, с. 140].

Будто предостерегая от крайностей и предлагая маршрутную карту туристического открытия

региона, Н. В. Абаев и В. Р. Фельдман вводят понятие «этноконфессиональная экологическая культура» с пояснением контекста «в области религиозного сознания и взаимодействия общества с природой» [1, с. 235—242].

К. А. Бичелдей считает катастрофическим состояние современного шаманства в Туве: «Что делать с сегодняшней деградацией шаманства? <...> Коммерциализация, современные камлания на сценах с бубном» совершенно неприемлемы [12, с. 19]. Хотя не секрет, что именно этот элемент национального колорита привлекает широкую публику в иных регионах к тувинской тематике. На презентации выставки Национального музея Республики Тыва в Бельгии, Австрии и Германии «в составе тувинской делегации были и шаманы» [30, с. 348].

Важность сохранения «собственного лица» в культурно-религиозном диалоге осознает и артикулирует И. Д. Дулуш: «Мы говорим приезжим: да, мы верим в шаманизм, верим Будде, а вы кому поклоняетесь?.. Мы говорим: да, мы, тувинцы, знаем и чтим традиции, сложившиеся испокон веков. Горы, реки, озера имеют духов-покровителей, мы поклоняемся им, мы — дети природы» [5, с. 33—34].

Первый плодотворный опыт такого туристического и культурного «открытия» Тувы описывает Юрий Лыноградский. «Устуу-Хурээ ... официально именуется „фестивалем живой музыки и веры“, но это лишь неловкая и угрюмая маскировка того, о чем настоящие люди вообще не говорят вслух. У веры фестивалей не бывает; там, где вера фестивалит, ее не остается. Куда правильнее другой программный лозунг Устуу-Хурээ: „От живой музыки — к живой вере“» [14, с. 162].

Публикации последних лет отличает рефлексивная направленность. Валентина Ивановна Харитоновна размышляет о причинах и формах популяризации тувинского неошаманизма в качестве культовых и целительских практик не только в Центрально-Азиатском регионе, но и «в московских квартирах» [36]. Перу главного редактора журнала Чимизы Кудер-ооловны Ламажаа, принадлежит глубокое исследование о геокультурных образах буддистского мира тувинцев [10].

Рецензии Владимира Романовича Фельдмана на книгу Н. В. Абаева и Н. Г. Аюпова «Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии» [34], Аркадия Викторовича Лукьянова на книгу Ч. К. Ламажаа «Тува между прошлым и будущим» [13] объединяет стремление выйти на теоретический уровень осмысления религиоведческих и культурологических проблем в Республике Тыва, атрибутировать универсальные научные концепты применительно к региональной проблематике. Рецензенты особенно отмечают внимание авторов монографий к проблемам методологии изучения мировоззрения тувинского народа. Рецензент А. Г. Филатенко, прогнозируя интерес широкой читательской аудитории к книге

Н. В. Абаева, О. М. Хомушку, У. П. Бичелдей «Буддизм в Центральной Азии: история, основы учения и культура», обращает внимание на целевую аудиторию данного издания. «Это фундаментальное комплексное исследование, — поясняет он, — представляет интерес как для ученых-религиоведов, аспирантов и преподавателей гуманитарных дисциплин, в том числе и для школьных учителей, ведущих курсы „Основы религиозных культур и светской этики“» [35, с. 183].

Музеефикация культурного наследия стала своеобразным трендом публикаций 2019 г.: буддистские тексты, записанные на старомонгольском языке из коллекции Национального музея Тувы, были выявлены, проанализированы и стали достоянием широкой общественности благодаря публикациям Саглары Викторовны Мирзаевой [17], Деляш Николаевны Музраевой и Риты Петровны Сулеба [24].

Не только количественное, но и качественное увеличение внимания к буддистским текстам и сакральным предметам в музейных коллекциях, а также связанное с этими процессами изменение музейной этики отмечает Ксения Викторовна Пименова [28].

Поликонфессиональная картина Центрально-Азиатского региона была бы неполной без абриса старообрядческих скитов, традиционно являющихся предметом изучения тувинских этнологов и историков, и этому аспекту посвящен тематический номер журнала «Новые исследования Тувы» под редакцией Алены Александровны Стороженко [31].

Логическим завершением нашего исследования стали выводы. Первый из них (и наиболее оригинальный, в сравнении с другими регионами) прозвучит неожиданно: религиоведческий дискурс Тувы лишен полемической окраски. Мировоззренческие штудии о религиозной идентичности словно обошли этот регион стороной. Удивительная толерантность тувинцев и синкретичность тэнгрианства, шаманизма, буддизма в едином концепте могут стать визитной карточкой региона. Второй вывод: религиоведческой тематикой проникнуты публикации, не относящиеся, казалось бы, напрямую к теме; и только вдумчивое прочтение всех без исключения публикаций позволило выявить «зерна», имеющие отношение к теме религии. Период наибольшего внимания к вероисповедной тематике, а соответственно, и «пиковые» значения количества публикаций пришлось на 2009—2012 гг. и 2019 г. Характер публикаций чрезвычайно широк: очерки и эссе, научно-исследовательские статьи, репортажи с фестивалей и конференций, рецензии. Примечательно, что в своих текстах авторы намечают перспективы будущих исследований, а это значит, что религиоведческий дискурс будет иметь не менее интересное и содержательное продолжение.

Магистральными направлениями в религиоведческом дискурсе тувиноведения в равной мере являются как изучение традиционных духовных

практик с помощью методов и приемов этнографии, так и теоретическое осмысление тувинской мифологии с позиции философов и антропологов; как «полевые» зарисовки фольклористов, так и методологические штудии о роли тэнгрианства в качестве открытого мировоззрения народов Внутренней Азии; как дискуссии о роли буддизма в становлении тувинской государственности, так и споры о месте шаманизма (неошаманизма) в концепции региональной идентичности.

Общий вывод к проведенному нами аналитическому обзору оптимистичен: религиоведческая тематика в исследовательском пространстве тувиноведения имеет широкие перспективы развития и может способствовать формулированию концепции региональной идентичности Тувы.

Список литературы

1. Абаев Н. В., Фельдман В. Р. Духовная культура Тэнгрианской цивилизации Саяно-Алтая в контексте социальной синергетики // Новые исслед. Тувы. 2011. № 2—3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3790-abaev-feldman.html (дата обращения: 21.04.2020).
2. Андреев Д. Ю. Влияние религий Тувы на национальную культуру : дис. ... канд. культурол. наук. Красноярск, 2004. 163 с.
3. Аюпов Н. Г. радиции духовной культуры кочевой цивилизации // Новые исслед. Тувы. 2012. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_14/4850-ayupov.html (дата обращения: 23.04.2020).
4. Байдаров Е. У. Религиозно-философский контекст традиционного мировоззрения казахов // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_14/4837-baydarov.html (дата обращения: 23.04.2016).
5. Дулуш И. Д. Состояние и перспективы организации культурных событийных мероприятий в Туве (на примере Международного фестиваля живой музыки и веры «Устуу-Хурээ») // Новые исслед. Тувы. 2012. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_14/4821-dulush.html (дата обращения: 23.04.2020).
6. Иргит Ч. К. К определению основных направлений развития этнографической науки Тувы // Новые исслед. Тувы. 2010. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_5/1432-yrqyt.html (дата обращения: 18.04.2020).
7. Кара-сал А. А. Духовно-практические технологии в традиционном тувинском обществе : дисс. ... канд. культурол. наук. Кемерово, 2009. 201 с.
8. Кисель В. А. Современный похоронно-поминальный комплекс тувинцев // Новые исслед. Тувы. 2010. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2521-kisel.html (дата обращения: 16.04.2020).
9. Кужугет А. К. Социокультурные детерминанты исторической динамики духовной культуры тувинцев : дис. ... д-ра культурол. наук. Кызыл, 2009. 385 с.
10. Ламажсаа Ч. К. Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический кон-

текст и современность // Новые исслед. Тувы. 2019. № 3. С. 27—40.

11. *Ламажжаа Ч. К.* О религиозных основаниях тувинской культуры. Заседание философского клуба // Новые исслед. Тувы. 2009. № 1—2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/114-club.html (дата обращения: 23.12.2020).

12. *Ламажжаа Ч. К.* Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры // Новые исслед. Тувы. 2012. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4470-lamazhaa.html (дата обращения: 27.07.2020).

13. *Лукьянов А. В.* О феномене культуры и духовности Тувы // Новые исслед. Тувы. 2011. № 2—3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3802-lukyanov.html (дата обращения: 25.04.2020)

14. *Льноградский Ю.* «Устуу-Хурээ»: главное — не бежать впереди зеленой лошади // Новые исслед. Тувы. 2012. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_15/5236-ustuu-huree.html (дата обращения: 24.04.2020).

15. *Маадыр М. С.* Журналы Тувы // Новые исслед. Тувы. 2009. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/931-maadyr.html (дата обращения: 14.04.2020).

16. *Мижит Л. С.* Тройственные образы в мифологии и фольклоре тувинцев // Новые исслед. Тувы. 2009. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/920-mizhit.html (дата обращения: 14.04.2020).

17. *Мирзаева С. В.* Монгольская рукопись «Сутры о восьми светоносных» из тувинского архива // Новые исслед. Тувы. 2019. № 3. С. 198—207.

18. *Монгуш А. А.* «Шамбалыг» и народная культура народа Тувы // Новые исслед. Тувы. 2012. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4477-mongush-aa.html (дата обращения: 26.04.2020).

19. *Монгуш З. М.* Библиотека тибетских трудов и архивов // Новые исслед. Тувы. 2009. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/463-mongush-z.html (дата обращения: 10.04.2020).

20. *Монгуш М. В.* Кармапа XVII и Панчен-лама XI: незавершенная интрига // Новые исслед. Тувы. 2013. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_19/6483-mongush.html (дата обращения: 05.01.2020).

21. *Монгуш М. В.* Традиционные и нетрадиционные конфессии в Туве: история и современность // Восток. Афро-Азиат. сообщества: история и современность. 2007. № 1. С. 16—33.

22. *Монгуш М. В.* Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 361 с.

23. *Монгуш М. В.* Шаманизм в Туве и на Окинаве: сходства и различия // Новые исслед. Тувы. 2014. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_18/6242-mongush2.html (дата обращения: 18.04.2020).

24. *Музраева Д. Н., Сулеба Р. П.* О ксилографическом сборнике буддийских текстов на мон-

гольском языке из Национального музея Тувы // Новые исслед. Тувы. 2019. № 2. С. 139—150.

25. *Октябрьская И. В., Шаповалов А. В.* Шаманы Тувы: танцующие с духами (фоторепортаж В. Дубровского) // Наука из первых рук. 2005. № 1 (4). С. 90—99.

26. *Отрощенко И. В.* Буддизм и политика в истории Тувы (о появлении института Камбы-ламы) // Новые исслед. Тувы. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_21/6944-otroschenko.html (дата обращения: 03.01.2020).

27. *Пименова К. В.* Возрождение и трансформации традиционных верований и практик тувинцев в постсоветский период: основные проблемы : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 336 с.

28. *Пименова К. В.* Сакральные предметы и трансформация музейной этики: истоки, проблемы, решения // Новые исслед. Тувы. 2019. № 2. С. 115—127.

29. *Поней-оол С. К.* Трансформационные процессы в этнической культуре как объект социокультурного анализа: на примере Республики Тыва : дис. ... канд. культурол. наук. М., 2003. 161 с.

30. *Салчак А. М.* Шаманизм Тувы в музеях Европы // Новые исслед. Тувы. 2009. № 1—2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/158-exhibitions.html (дата обращения: 14.04.2020).

31. *Стороженко А. А.* Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исслед. Тувы. 2019. № 1. С. 4—15.

32. *Султангалиева Г. С.* В чем разница между шаманом и неошаманом? // Новые исслед. Тувы. 2014. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_24/7572-sultangalieva.html (дата обращения: 08.04.2020).

33. *Тапышпан О. Д., Абаев Н. В., Мендиярова Г. С.* Некоторые проблемы формирования духовно развитой личности в Туве на основе этнопедагогических традиций буддизма // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 1. С. 188—193.

34. *Фельдман В. Р.* О тенгрианской цивилизации // Новые исслед. Тувы. 2010. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_5/1447-feldman.html (дата обращения: 07.04.2020).

35. *Филатенко А. Г.* В Туве издано первое учебное пособие по буддизму // Новые исслед. Тувы. 2013. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_20/6743-filatenko.html (дата обращения: 27.04.2020).

36. *Харитоновна В. И.* Тувинский (нео) шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исслед. Тувы. 2018. № 4. С. 47—76.

37. *Ховалыг М. Б.* Три дня вместе с тибетцами // Новые исслед. Тувы. 2013. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_19/6489-hovalygy.html (дата обращения: 18.04.2020).

38. *Чаажытмаа А. Б.* Синкретизм буддизма и шаманизма в Туве // Новые исслед. Тувы. 2012. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_15/5234-chaazhytmaa.html (дата обращения: 24.04.2020).

T. G. Nedzelyuk, A. Kuchinsky

RELIGIOUS THEME IN THE RESEARCH SPACE OF TUVAN STUDIES

The spiritual culture of Tuvans is an original, bright, invariably attracting attention phenomenon.

The main directions in the religious discourse of Tuvan studies are equally the study of traditional spiritual practices using the methods and techniques of ethnography, and the theoretical understanding of Tuvan mythology from the perspective of philosophers and anthropologists; as “field” sketches of folklorists, and methodological studies on the role of tengrianism as an open worldview of the peoples of Inner Asia; as discussions about the role of buddhism in the formation of Tuvan statehood, and disputes about the place of shamanism (neoshamanism) in the concept of regional identity.

At this time, the study of the spiritual culture of Tuvans is still in the phase of generating scientific knowledge, broad generalizations are still ahead, they will be made on a solid comparative foundation formed by modern researchers.

An analytical review of the religious discourse of Tuva allows us to conclude that it is devoid of polemical coloring. The tolerance of Tuvans and the syncretism of tengrianism, shamanism, and buddhism in a single concept can become the hallmark of the region. Religious studies topics in the research space of Tuvan studies have broad prospects for development and can contribute to the formation of the concept of regional identity of Tuva.

Keywords: Tuva, religious studies, tengrianism, shamanism, buddhism, tolerance, spiritual culture, regional identity, Tuvan studies.